

Эх, всего месяц назад Ань Жун была той девочкой, которая краснела, следуя за ней по пятам. Чувства — не самая лучшая штука.

Ань Жун помнила о своей способности к алкоголю и не рисковала пить много, боясь, что в состоянии опьянения может сделать что-то необъяснимое.

Но, к счастью, бутылка была небольшой, и в ней, вероятно, было немного. Она пила по глотку и останавливалась, чтобы не опьянеть.

Они сидели на пустой лестнице, запивая невысказанными мыслями, и, глоток за глотком, напились.

Сюй Сяое горько улыбнулась:

— Песня, которую ты сегодня спела, была красивой, но мне она не понравилась.

Ань Жун, обнимая перила лестницы, радостно улыбнулась:

— Мне не нужно, чтобы тебе нравилось.

Сюй Сяое покачала головой. Ну да, это не песня для неё, так что какая разница, нравится она или нет.

Ань Жун, вероятно, впервые за много лет чувствовала себя так уверенно, и это ощущение было настолько приятным, что она не удержалась и повторила:

— Мне не нужно, чтобы ты любила.

Сюй Сяое беспорядочно кивала, с улыбкой глядя на, вероятно, пьяную Ань Жун, мягко соглашаясь:

— Хорошо, хорошо.

Ань Жун посмотрела на неё:

— Хорошо?

Сюй Сяое удивилась, но кивнула.

Ань Жун засмеялась, смеясь, она сказала:

— Я знала... поэтому я тоже не люблю.

Её слова были бессвязными, и Сюй Сяое не поняла ни одного, но, боясь, что она упадёт, обняла руку Ань Жун, пытаясь придвинуть её к себе.

Но Ань Жун вдруг начала сопротивляться, крепко держась за перила:

— Не трогай меня.

Сюй Сяое поспешно убрала руку.

Ань Жун склонила голову на перила, тихо бормоча:

— Не трогай меня.

Она смеялась, а потом заплакала, и Сюй Сяое, растерявшись, начала утешать:

— Не плачь.

Ань Жун плакала громко.

— Не плачь, барышня, а то ещё кого-нибудь позовёшь, — Сюй Сяое присела рядом, смеясь и плача одновременно, жалея, что предложила выпить.

Сюй Сяое вытирала слёзы Ань Жун, и её пальцы скользили по мокрому лицу, словно слёзы текли прямо в её сердце.

Ань Жун невнятно пробормотала:

— Ты противная.

Сюй Сяое кивнула:

— Да, я противная.

Ань Жун плакала, пока не уснула, её ресницы были мокрыми, и даже во сне она хмурилась, словно о чём-то думала.

Сюй Сяое аккуратно вытерла слёзы с её лица и вздохнула:

— После слёз и сна всё станет лучше.

Рука Ань Жун, державшаяся за перила, опустилась.

Сюй Сяое поспешно поймала её, боясь, что она ударится о ступеньки и проснётся от боли.

Закончив, Сюй Сяое подняла бутылку рядом с Ань Жун и обнаружила, что в ней ещё осталось немного.

— С такой способностью к алкоголю ты ещё соглашаешься пить на людях, — Сюй Сяое покачала головой с улыбкой.

Ей тоже было не совсем хорошо, но она не могла понять, откуда взялось это чувство, вероятно, оно было связано с Ань Жун.

Сюй Сяое посмотрела на неё, но эта связь была слишком загадочной, неясной, и она не понимала.

Действительно, когда она бодрствовала, она была как семнадцатилетняя и двадцатисемилетняя одновременно, упрямой и молчаливой, а во сне она была хрупкой, как фарфоровая кукла.

Это тоже хорошо, если хочешь напиться, то можешь.

Сюй Сяое снова невольно подумала о том человеке, о котором говорила Ань Жун. Если он действительно был таким хорошим, как она говорила, почему он заставил её так страдать?

— Дурочка, — Сюй Сяое посмотрела на Ань Жун. — Что хорошего в чувствах? Даже если всё сладко, они могут развалиться в любой момент, упрямая.

Сюй Сяое допила оставшееся и, посидев немного в тишине, наклонилась и подняла Ань Жун.

Ань Жун тихо крикнула, как маленький котёнок.

Все её защитные слои, обычно острые и крепкие, исчезли, обнажив мягкую внутренность.

Сюй Сяое тихо успокоила её:

— Хорошо, пойдём спать, на улице холодно.

Ань Жун сжалась в её объятиях.

Держа её на руках, Сюй Сяое поняла, что Ань Жун была слишком худой. Возможно, все её мысли вытянули из неё все силы, и она стала лёгкой, как пёрышко.

Когда Ань Жун проснулась, у неё болела голова, и она задумалась, глядя на доски кровати над собой.

Она сошла с ума вчера?

Как она могла согласиться выпить с Сюй Сяое?

Сюй Сяое могла пить без остановки, а она пьянела от одного глотка. Что заставило её принять такое глупое решение?

Ань Жун выглядела так, словно хотела умереть, стараясь вспомнить, не сделала ли она вчера что-то неподобающее.

Сюй Сяое стояла у кровати, глядя на неё:

— Эй, ты проснулась?

Ань Жун посмотрела на неё, напряжённая и серьёзная:

— Я вчера...

— Не волнуйся, — Сюй Сяое не дала ей закончить. — Я отнесла тебя сюда, когда ты уже уснула, ночью, никто не видел.

Хотя это был не совсем тот ответ, который хотела услышать Ань Жун, но судя по этим словам, она вчера ничего не сказала и не сделала.

Ань Жун вздохнула с облегчением, а затем откинула одеяло, собираясь встать с кровати Сюй Сяое.

Одеяло соскользнуло, и лицо Ань Жун покраснело, она тут же накрылась обратно.

— Ты, ты... — Ань Жун подбирала слова. — Где моя одежда?!

Сюй Сяое подняла бровь:

— В стирке.

Она понизила голос:

— Пахло алкоголем, нельзя, чтобы кто-то заметил.

Ань Жун:

...

Сюй Сяое поддразнила:

— Почему ты краснеешь?

Ань Жун:

...

Сюй Сяое принесла одежду, аккуратно сложенную:

— Уже высохла.

Ань Жун взглянула на неё и с трудом выдавила:

— Спасибо.

Сюй Сяое потеряла нос и сказала:

— Камеру я вчера выключила, ещё не включила. Переодевайся, я пойду за завтраком, жди меня.

Ань Жун крепко сжала губы.

В голове Ань Жун начали всплывать воспоминания о том, что произошло вчера. Почему она лежала в кровати Сюй Сяое только в нижнем белье?

Ах, да, к счастью, бельё было комплектом.

Ань Жун была в замешательстве, она помнила только, что напилась, и, думая о том, чтобы оставить Сюй Сяое, почувствовала, как будто в сердце образовалась пустота, и заплакала.

Вероятно, Сюй Сяое привела её обратно, увидела, что ей неудобно спать, и раздела её.

Ань Жун, зная Сюй Сяое, восстановила ход событий, и он оказался довольно точным.

Сюй Сяое спокойно вышла из общежития, но её выражение изменилось, она слегка нахмурилась, думая о реакции Ань Жун.

Не слишком ли это было?

Они же обе девушки, помочь раздеться — это максимум неловкость. Почему Ань Жун отреагировала так, будто она что-то сделала?

Сюй Сяое выглядела задумчивой, и в голове невольно всплыла вчерашняя Ань Жун. Перед тем как вернуться, она не позволяла ей даже прикоснуться, а когда её положили на кровать, она обняла её за шею и не отпускала.

Как маленький котёнок, мягкий и ласковый.

Сюй Сяое невольно улыбнулась, и снова подумала, что тот, кого любила Ань Жун, был настоящим подлецом.

Ань Жун, которая пьянела от одного глотка, не страдала от головной боли, позавтракала и отправилась в танцевальный зал. Неделя была напряжённой.

Она опоздала, что было редкостью, поприветствовала команду и начала планировать тренировки на неделю, будто с Сюй Сяое они просто шли по пути и больше не разговаривали.

Сюй Сяое не знала, что на неё нашло, но она то и дело бросала взгляды на Ань Жун, иногда намеренно, иногда бессознательно.

Ань Жун слегка хмурилась, она знала, что Сюй Сяое иногда смотрит на неё, но никогда не отвечала.

Давай, Ань Жун, сказала она себе, ты сможешь, просто будь обычным другом, не обращай на неё внимания.

Но каждый раз, когда она напоминала себе об этом, это было с иронией. Настоящее отпусканье не требует постоянных напоминаний.

Ся Чуньхуа весь день чувствовала себя не в своей тарелке и, наконец, не выдержала, подошла к Ань Жун и тихо спросила:

— Что случилось между тобой и Сюй-цзе?

Ань Жун, как ни в чём не бывало, отпила воды и покачала головой:

— Ничего.

Ся Чуньхуа нахмурилась, её маленькое лицо выражало замешательство, и она смотрела на Ань Жун со сложным выражением:

— Я думала, вы поссорились.

Ань Жун улыбнулась:

— Какое там, нам не из-за чего ссориться.

Ся Чуньхуа не знала, что сказать, но, судя по всему, они были не в порядке, хотя она не могла понять, почему.

Ань Жун сжала губы и позвала её:

— Повтори тот набор движений, я ещё не совсем поняла.

Ся Чуньхуа кивнула и больше не спрашивала.